

Артур Конан Дойл. Коричневая рука

Всем известно, что сэр Доминик Холден, знаменитый хирург, трудившийся чуть ли не всю жизнь в Индии, завещал свое состояние мне, и что после его смерти я превратился из скромного врача, который трудится ради куска хлеба, в богатого владельца старинного поместья и огромных земель. Известно также, что у сэра Доминика было по меньшей мере пять более близких родственников, чем я, и согласно закону им-то и должно было достаться наследство, так что его выбор сочли необъяснимой причудой. Однако я уверяю всех, кто разделяет это мнение, что они глубоко заблуждаются, ибо хоть я и подружился с сэром Домиником, когда он уже был в преклонных годах, тем не менее существовали веские причины, почему он выказал таким способом свое расположение мне. Между прочим, хоть я и рассказываю эту историю сам, поверьте - мало кто оказывал когда-либо ближнему столь важную услугу, какую оказал моему индийскому дядюшке я. Вы наверняка назовете эту историю небылицей, но она столь необычна, что я просто почитаю своим долгом ее рассказать, а уж как вы к ней отнесетесь - дело ваше. Итак, приступим.

Сэр Доминик Холден, кавалер ордена Бани III степени, кавалер ордена "Звезда Индии" II степени, а также обладатель множества других наград, всех и не перечислишь, прославился в свое время как самый талантливый хирург из всех наших врачей в Индии. Начал он свою карьеру в армии, но потом открыл частную практику в Бомбее и в качестве консультанта изъездил Индию вдоль и поперек. Однако главная его заслуга - Бомбейская больница для индусов, которую он построил и содержал на свои средства. Но шло время, и его железное здоровье стало сдавать под колоссальным бременем, которое он взвалил на себя еще в молодости, а коллеги-врачи принялись единодушно (хотя, подозреваю, не бескорыстно) убеждать его вернуться в Англию. Он противился сколько мог, но скоро у него появились ярко выраженные симптомы нервного расстройства, и в конце концов окончательно сломленный он уехал на родину, в графство Уилтшир. Там он купил большое имение со старинным замком, которое находится у отрогов равнины Солсбери Плейн и посвятил последние годы своей

жизни изучению сравнительной патологии, которой этот замечательный ученый увлекался всю жизнь и в которой был крупнейшим авторитетом.

Всю родню, как и следовало ожидать, чрезвычайно волновала весть о возвращении в Англию богатого бездетного дядюшки. Он же, отнюдь не проявляя чрезмерного радушия, все же считал долгом установить добрые отношения с родственниками, и все мы в свою очередь получили от него приглашение нанести ему визит. Кузены и кузины, побывавшие в гостях, рассказывали, что изнывали у дядюшки от скуки, и потому когда я наконец был призван в Роденхерст, то испытал прилив противоречивых чувств. Моя жена столь демонстративно не упоминалась в письме, что первым моим побуждением было отказаться от визита, однако я не имел права забывать об интересах детей, и, получив согласие жены, я отправился пасмурным октябрьским днем в Уилтшир, совершенно не представляя, какие важные последствия повлечет за собой этот визит.

Имение моего дяди было расположено в том месте равнины, где кончаются пахотные земли и полого встают плавные склоны меловых холмов, столь характерных для ландшафта этого графства. Когда я сошел с поезда в Динтоне и кучер повез меня в имение дядюшки в гаснущем свете осеннего дня, я был поражен странной таинственностью пейзажа. Развалины гигантских древних сооружений настолько подавляли разбросанные по округе крестьянские фермы, что настоящее казалось сном - его властно, повелительно вытесняло прошлое. Дорога вилась среди поросших травой холмов, вершины которых, все до единой, увенчаны мощнейшими бастионами - круглые или квадратные, они мужественно отражают натиск стихий и тысячелетий. - Кто-то называет их римскими крепостями, кто-то - британскими, однако до сих пор так и не выяснено с достаточной степенью достоверности, кто именно построил эти укрепления и почему их так много именно здесь, в этой части Англии. На ровных пологих серо-зеленых склонах там и сям поднимались маленькие округлые холмики - могильники. Под ними лежат обращенные в пепел останки народа, глубоко зарывшего себя в эти холмы, но их могилы говорят нам только одно: в этом сосуде покоится прах человека, который трудился некогда под солнцем.

По этой-то полной тайн местности я приблизился наконец к имению дядюшки в Роденхерсте и обнаружил, что оно удивительно гармонирует с окружающей

обстановкой. Ворота, за которыми начиналась неухоженная аллея, ведущая к дому, висели на разрушающихся, облупленных столбах с искалеченными геральдическими щитами наверху. Холодный ветер шумел в кронах вязов, которыми была обсажена аллея, дождем сыпались листья. Вдали, там, где кончался мрачный свод деревьев, ровно горел желтым светом один-единственный фонарь. В последних проблесках дня я увидел длинное низкое здание с несимметричными крыльями, покатою мансардной крышей и низко свешивающимся карнизом, с узором перекрещивающихся деревянных балок на стенах - архитектура эпохи Тюдоров. Широкое зарешеченное окно слева от невысокого крыльца приветливо теплилось светом горящего камина, и, как оказалось, это было окно дядюшкиного кабинета, потому что именно туда провел меня дворецкий знакомиться с хозяином замка.

Он сидел, съежившись, у камина, непривычный к промозглому холоду английской осени. Лампу в кабинете еще не зажгли, и я увидел в красном свечении тлеющих углей лицо с крупными резкими чертами: огромный нос и выступающие скулы, как у индейца, глубокие складки, прорезающие щеки от глаз до подбородка - сумрачная маска, скрывающая необузданные страсти. При моем появлении он быстро поднялся со старомодной учтивостью манер и любезно сказал: "Добро пожаловать в Роденхерст". Внесли лампу, и я почувствовал, что его голубые глаза в высшей степени критически рассматривают меня из-под косматых бровей, точно спрятавшиеся под кустом лазутчики, и что я - для моего заморского дядюшки словно открытая книга - он читает в моей душе с легкостью опытного психолога и искушенного светского человека.

Я тоже внимательно разглядывал его, потому что наружность этого человека буквально приковывала внимание. Огромного роста и могучего сложения, он так исхудал, что пиджак на нем висел как на вешалке, и меня поразило, до чего костлявы его широкие плечи. Руки и ноги у него были крупные, но иссохшие, я не мог оторвать взгляд от его запястий с выступающими костями, от длинных узловатых пальцев. Но больше всего поражали его глаза - светло-голубые, пронизательные, острые. Поражал не столько цвет, не густые ресницы и косматые брови, из-под которых эти глаза сверкали, поражало выражение, которое я в них заметил. Для человека такого могучего

сложения и с такой внушительной осанкой естественно была бы некая властность во взгляде, спокойная уверенность, а я почувствовал, что дух его сломлен и полон страха, мне представились робкие, просящие прощения глаза собаки, чей хозяин снял со стены плетку. И я, едва увидев эти изучающие и в то же время как бы молящие о пощаде глаза, поставил ему врачебный диагноз. Я решил, что у него неизлечимая болезнь, он знает, что каждую минуту может умереть, и жизнь его отравлена страхом. Вот какое я сделал заключение и, как показали дальнейшие события, ошибся; но я рассказываю об этом, чтобы вам легче было представить себе выражение его глаз.

Я уже сказал, что дядюшка приветствовал меня чрезвычайно любезно, и через час я сидел в уютной столовой между ним и его женой, стол был уставлен пряными экзотическими деликатесами, а из-за стула дядюшки то и дело неслышно возникал всевидящий слуга-индус. Пожилая чета вступила в ту печальную пору, которая, как это ни парадоксально, напоминает счастливое начало семейной жизни - они снова вдвоем, снова одни, дети умерли или разлетелись по свету, труд жизни завершен, и сама жизнь быстро приближается к концу. Те, кто открыл в себе такие глубины любви и преданности, кому удалось обратить суровую зиму в светлое бабье лето, вышел победителем из жизненных испытаний. Леди Холден была миниатюрная живая дама с удивительно добрыми глазами, и когда она смотрела на своего мужа, сразу становилось ясно, как она гордится им и восхищается. Но я прочел в их взглядах не только любовь друг к другу, я прочел в них ужас и распознал в ее лице отражение того тайного страха, которое еще раньше заметил в лице сэра Холдена. Они то весело шутили, то вдруг голоса их начинали звучать грустно, причем насколько принужденным казалось их веселье, настолько естественной была грусть, что я понял, что рядом со мной сидят люди, у которых тяжело на сердце.

Но вот слуги ушли, мы налили себе вина, и тут разговор коснулся темы, которая чрезвычайно взволновала хозяина и хозяйку дома. Не помню, с чего зашла у нас речь о сверхъестественных явлениях, только я признался им, что, как и многие невропатологи, посвящаю довольно много времени исследованию всякого рода отклонений человеческой психики. И в заключение поведал, как я и еще двое моих коллег, тоже являющихся членами Общества по изучению

человеческой психики, провели ночь в доме, где водятся привидения. Ночь прошла без особых приключений, никаких сенсационных открытий мы не сделали, но почему-то этот рассказ в высшей степени заинтересовал моих родственников. Они слушали затаив дыхание, причем однажды я поймал многозначительный взгляд, которым они обменялись. Едва я кончил рассказывать, как леди Холден поднялась и оставила нас.

Сэр Доминик пододвинул ко мне коробку с сигарами, и несколько минут мы курили молча. Я видел, как дрожит его крупная худая рука, когда он подносил к губам свою маленькую манильскую сигару, и чувствовал, что нервы его напряжены до предела. Чутье подсказывало мне, что он готовится сделать какое-то сокровенное признание, и я не произносил ни слова, боясь спугнуть его. Наконец он резко поднял голову и посмотрел на меня с таким выражением, как будто решился на отчаянный шаг.

- Я очень мало знаю вас, доктор Хардэйкр, но мне кажется, вы именно тот человек, которого я давно ищу.

- Рад слышать это, сэр.

- У вас ясный трезвый ум. Надеюсь, вы не заподозрите меня в неискренности, ведь дело это слишком серьезное, лесть была бы просто неуместна. Вы обладаете достаточными познаниями в области, которая меня интересует, и, насколько я могу судить, относитесь к сверхъестественным явлениям как философ, а такой взгляд исключает свойственный невежеству страх. Полагаю, появление призрака не нарушит ваше душевное равновесие?

- Думаю, что нет, сэр.

- Может быть, даже заинтересует?

- В высшей степени.

- Как исследователь человеческой психики, вы, вероятно, будете наблюдать за ним столь же отвлеченно, как астроном наблюдает блуждающую комету?

- Совершенно верно. Он тяжело вздохнул.

- Поверьте, доктор Хардэйкр, было время, когда я ответил бы в точности так же, как вы. В Индии о моем бесстрашии ходили легенды. Далее во время восстания сипаев оно не изменило мне ни на миг. А сейчас... вы видите, во

что я превратился сейчас: наверное, во всем графстве Уилтшир не найти существа столь же малодушного. Не будьте так самоуверенны, когда дело касается сверхъестественного: судьба может подвергнуть вас такому же нескончаемому испытанию, какому подвергла меня, - испытанию, которое способно привести человека в сумасшедший дом или свести в могилу.

Я терпеливо ждал, когда он наконец откроет мне свою тайну. Стоит ли говорить, что начало не только заинтересовало меня, но и сильно взволновало. - Вот уже несколько лет, - продолжал он, - как моя жизнь и жизнь моей жены обратились в кромешный ад, и причина тому не просто нелепа, она воистину смехотворна. Казалось бы, за столько-то времени можно было и привыкнуть к этому аду, но нет, наоборот: чем дальше, тем невыносимей это постоянное напряжение: мои нервы вот-вот не выдержат. Если вы не опасаетесь за свое здоровье, доктор Хардэйкр, я просил бы вас помочь мне понять природу феномена, который так нас терзает, ибо я чрезвычайно ценю ваше мнение.

- Оно к вашим услугам, хотя я и не уверен, что скажу вам что-то путное. Могу я узнать, о каком феномене идет речь?

- Мне кажется, вы составите более непредвзятое суждение, если не будете знать заранее, с чем вам предстоит столкнуться. Кому как не вам, известна огромная роль подсознания и наших собственных субъективных впечатлений: ведь живущий в вас, ученом, скептик наверняка подвергнет сомнению то, что вы видели. Так что давайте уж примем меры предосторожности.

- Что я должен сделать?

- Я все объясню. Пойдемте со мной, прошу вас.

Мы вышли из столовой и двинулись по длинному коридору; возле последней двери сэр Доминик остановился. За ней оказалась просторная, с голыми стенами комната, оборудованная под лабораторию; здесь было множество научных приборов, инструментов и химической посуды. К одной из стен во всю длину была пристроена полка, на ней стоял длинный ряд стеклянных банок с различными органами и тканями, пораженными болезнью.

- Как видите, я не бросил своего прежнего увлечения, - пояснил сэр Доминик. - Это банки - все что осталось от некогда великолепной коллекции, остальное, увы, погибло в девяносто втором году, когда сгорел мой дом в

Бомбее. Для меня это обернулось большим несчастьем во многих отношениях. У меня были образцы редчайших заболеваний, а коллекция больных селезенки, подозреваю, не имела себе равных в мире. Только это и удалось спасти.

Я стал рассматривать коллекцию и сразу же понял, что с точки зрения врача это поистине редчайшее сокровище: увеличенные внутренние органы, зияющие полости кист, искривленные кости, омерзительные паразиты, развивающиеся в организме человека - ярчайшая иллюстрация того, что делает с человеком Индия.

- Тут есть небольшая кушетка, видите, - продолжал хозяин поместья. - Разумеется, нам и в голову бы не пришло предложить гостю столь убогое помещение, но раз уж события приняли такой неожиданный поворот, я буду вам бесконечно признателен, если вы согласитесь провести здесь ночь. Но, может быть, подобная перспектива отталкивает вас - в таком случае вы должны без колебаний сказать мне это, прошу вас.

- Отталкивает? Напротив, - возразил я, - она меня чрезвычайно привлекает.

- Моя спальня - вторая слева, и если вы почувствуете, что вам необходимо общество, позовите меня, я тотчас буду здесь.

- Надеюсь, мне не придется тревожить ваш сон.

- Я вряд ли буду спать. У меня бессонница. Так что зовите меня, не сомневайтесь.

Условившись таким образом, мы вернулись в гостиную, где нас ждала леди Холден, и стали беседовать о предметах не столь серьезных.

Когда я сказал дяде, что с удовольствием приму участие в ночном приключении, это вовсе не было бравадой. Я никогда не стал бы утверждать, что я сильнее или храбрее кого бы то ни было, но когда вы уже сталкивались со сверхъестественным, у вас пропадает тот смутный необъяснимый ужас перед неведомым, который трудно вынести человеку с воображением. Человеческая душа не способна испытывать более одного сильного чувства одновременно, и если вас переполняет любопытство или нетерпение ученого, для страха просто не остается места. Правда, дядя мне признался, что и сам когда-то придерживался таких же взглядов, но я рассудил, что еще неизвестно, что именно надорвало

его психику - сорок лет работы в Индии или нервное потрясение, которое ему пришлось пережить. У меня, во всяком случае, нервы железные, голова холодная, и потому я закрыл за собой дверь лаборатории, чувствуя волнение и азарт охотника, который подстерегает дичь, снял обувь и пиджак и прилег на покрытую ковром кушетку.

Лаборатория оказалась далеко не самой удобной спальней. Сильно пахло разными химическими реактивами, особенно остро ощущался метиловый спирт. Да и обстановка не располагала к отдыху. Взгляд мой упирался в отвратительный ряд стеклянных сосудов с пораженными болезнью тканями и органами, которые доставили когда-то людям столько страданий. Окно было без штор, и в комнату лила свой белый свет почти полная луна, на противоположной стене горел серебряный квадрат с черным ажурным узором решетки. Когда я погасил свечу, это единственное яркое пятно во тьме комнаты сразу же вызвало у меня тревогу: мне стало жутковато. В старом доме застыла мрачная, ничем не нарушаемая тишина, я слышал тихий шепот деревьев в саду. Может быть, эта вкрадчивая колыбельная убаюкала меня или сказалась усталость трудного дня, но только я задремал, проснулся, снова задремал, долго боролся со сном, и все-таки он меня сморил - глубокий, без сновидений.

Проснулся я от какого-то звука в комнате и тотчас же приподнялся на локте. Прошло несколько часов, потому что лунный квадрат на стене сполз по стене вниз и в сторону и теперь косо лежал в ногах моей кушетки. Остальная часть комнаты была погружена в непроглядный мрак. Сначала я в нем ничего не мог разглядеть, но постепенно глаза привыкли к слабому свету, и хотя я весь трепетал от азарта исследователя, сердце мое дрогнуло: что-то медленно двигалось вдоль стены. Вот я расслышал тихое шарканье словно бы войлочных туфель, с трудом различил силуэт человека, крадущегося со стороны двери. Вот он вступил в полосу лунного света, и стало ясно видно и его самого, и его одежду. Это был мужчина, невысокий и коренастый, в просторном темно-сером балахоне до пят. Луна осветила половину его лица, и я увидел, что оно темно-коричневого цвета, а черные волосы собраны на затылке в пучок, как у женщины. Он медленно продвигался вперед, глаза его были устремлены на ряд банок, в которых хранились печальные реликвии людских страданий. Он

внимательно рассматривал сосуд за сосудом. Дойдя до конца полки, который находился прямо напротив моей кушетки, он остановился, увидел меня, в отчаянии затряс руками и исчез - как сквозь землю провалился.

Я сказал, что он затряс руками, но когда его руки взметнулись вверх в жесте отчаяния, я заметил странную особенность. У него была только одна кисть! Широкие рукава соскользнули к плечам, и левую кисть я разглядел ясно, а вот вместо правой была безобразная узловатая культя. Больше он ничем не отличался от индусских слуг сэра Доминика, а видел я его и слышал так ясно, что готов был принять за одного из них - наверное, ему что-то понадобилось в моей комнате, и он зашел сюда. Лишь его неожиданное исчезновение навело на недобрые мысли. Я вскочил с кушетки, зажег свечу и внимательно осмотрел всю комнату. Никаких следов моего гостя; и я был вынужден признать, что его появление, действительно противоречило законам Природы. Остаток ночи я пролежал без сна, но никто меня больше не тревожил.

Встал я по обыкновению рано, но дядя оказался еще более ранней пташкой - он уже расхаживал взад и вперед по лужайке возле дома. Когда я вышел на крыльцо, он в волнении бросился ко мне.

- Ну что, видели вы его? - крикнул он.

- Однорукого индуса?

- Именно.

- Видел, - И я рассказал ему все, что произошло ночью. Выслушав, он повел меня в свой кабинет.

- Скоро завтрак, но у нас еще есть немного времени, - сказал он. - Я успею объяснить вам это необыкновенное явление - насколько вообще можно объяснить то, что не имеет объяснения. Для начала открою вам, что вот уже четыре года этот человек приходит ко мне каждую ночь и будит, где бы я ни находился: в Бомбее ли, в каюте парохода или здесь, в Англии, и вы поймете, почему я сам превратился чуть ли не в привидение. Каждую ночь происходит одно и то же. Он появляется возле моей кровати, сердито трясет за плечо, потом идет из спальни в лабораторию, медленно проходит возле полки с моими банками и исчезает. Почти полторы тысячи ночей, и всегда одно и то же.

- Что ему нужно?

- Он приходит за своей рукой.

- За своей рукой?

- Да, сейчас я расскажу, как все случилось. Лет десять назад меня пригласили в Пешавар проконсультировать больного, и, пока я был там, попросили осмотреть руку одного туземца, который шел с афганским караваном. Туземец этот был из какого-то племени горцев, которое живет Бог знает где - далеко за Гиндукушем. Говорил он на исковерканном пушту, понять его было очень трудно. У него оказалась саркома одного из пястных суставов, и я ему объяснил, что придется отнять кисть, иначе он умрет. Уговаривал я его очень долго, и наконец он согласился на операцию, а когда я ее сделал, он спросил, какое вознаграждение я с него потребую. Бедняга был чуть ли не нищий, о каком вознаграждении могла идти речь, и я в шутку сказал, что платой будет его рука, она пополнит мою коллекцию опухолей.

К моему удивлению, он решительно отказался и объяснил, что, когда человек умирает, все части тела должны быть похоронены вместе, это очень важно - ведь согласно его религии душа потом воссоединяется с телом, и ей нужен удобный дом. Конечно, это одно из древнейших верований человечества, сходные представления были и у египтян, потому-то они и бальзамировали своих покойников. Я ответил ему, что рука уже все равно отрезана, и поинтересовался, как же он собирается ее хранить. Он объяснил, что поместит ее в соляной раствор и будет всюду возить с собой. Я предложил оставить ее в моей коллекции - тут уж она точно не потеряется, к тому же в моих растворах сохранится лучше, чем в соляном. Убедившись, что я и в самом деле намерен бережно хранить руку, он тотчас же согласился. "Но помните, сахиб, - сказал он, - когда я умру, я приду за ней". Я засмеялся в ответ на эти слова, и тем все и кончилось. Я вернулся в Бомбей, а он, без сомнения, поправился и смог продолжить свое путешествие в Афганистан.

Вчера я уже говорил вам, что в моем доме в Бомбее случился пожар. Сгорело больше половины, и к тому же сильно пострадала моя коллекция пораженных органов и тканей. То, что вы видели, лишь жалкие остатки. Среди погибших экспонатов оказалась и рука горца, но в то время я не придавал этому большого значения. После этого прошло уже шесть лет.

А четыре года назад, через два года после пожара, я проснулся однажды ночью от того, что кто-то изо всех сил дергает меня за рукав. Я сел, решив, что это меня будит мой любимец мастифф. Но вместо собаки увидел моего давнего пациента-индуса в длинном сером балахоне, какие носят люди его племени. Он с укором глядел на меня, показывая свою культю. Потом подошел к моим банкам, которые стояли тогда у меня в комнате, внимательно осмотрел каждую, сердито взмахнул руками и исчез. Я понял, что он только что умер и пришел за рукой, которую я обещал свято хранить для него.

Ну вот, доктор Хардэйкр, теперь вы знаете все. Эта сцена повторяется четыре года - каждую ночь, в одно и то же время. В сущности, ничего дурного горец мне не делает, но его появление вымотало меня до предела, я словно подвергаюсь пытке водой. У меня жесточайшая бессонница, я не могу заснуть - лежу и жду, когда он появится. Он отравил мою старость и старость моей жены, которая страдает не меньше меня. Слышите - гонг, приглашают к завтраку, она с нетерпением ждет нас, ей хочется знать, видели ли вы что-нибудь ночью. Мы безмерно благодарны вам за доброе участие, ведь когда друг разделил наше горе, когда он рядом, пусть даже недолго, одну-единственную ночь, нам легче выносить эту муку, вы убедили нас, что мы с женой не сумасшедшие, а порой нам кажется, что мы теряем рассудок.

Вот какую странную историю поведал мне сэръ Доминик - я знаю, многие бы посмеялись над ней и не поверили ни слову, но я после того, что приключилось со мной ночью, и после того, что мне довелось видеть раньше, я принял ее как совершенную непреложность. Я тщательно все обдумал, сопоставив с тем, что мне довелось читать и пережить. После завтрака я сказал леди Холден и сэру Доминику, что возвращаюсь следующим поездом в Лондон, чем сильно удивил их.

- Мой дорогой племянник, - воскликнул дядя в величайшем огорчении, - я понимаю, что грубо нарушил законы гостеприимства, навязав вам это злосчастное привидение. Нужно нести свой крест самому.

- Признаюсь, что моя поездка в Лондон и вправду связана с привидением, - ответил я, - но если вы думаете, что ночное приключение вызвало у меня хоть тень неудовольствия, вы ошибаетесь, уверяю вас. Напротив, я прошу у вас позволения вернуться вечером и провести в вашей лаборатории еще одну ночь. Я

горю желанием еще раз встретиться с этим ночным гостем.

Дяде чрезвычайно хотелось знать, что я затеваю, но я не стал посвящать его в свой план, боясь дать надежду, которая может и не сбыться. Около полудня я уже сидел в своей приемной и перечитывал то место в недавно вышедшей книге по оккультизму, которое привлекло мое внимание, когда я только купил ее.

"Что касается духов, связанных с землей, - писал их знаток, - то если перед смертью они были одержимы навязчивой идеей, эта идея способна удержать их в нашем материальном мире. Эти духи своего рода амфибии, они могут существовать и в этой жизни, и в иной, как черепахи живут и на суше, и в воде. Причиной того, что душа оказывается столь крепко привязанной к жизни, которую покинуло тело, может быть любая сильная страсть. Известно, что такой эффект производят алчность, жажда мести, тревога, любовь, жалость. Как правило, подобные чувства порождаются неисполненным желанием, и если желание выполнить, материальная связь слабеет. Описано немало случаев, когда духи преследуют людей с редкостным упорством, но исчезают, стоит лишь выполнить их желание, причем иногда бывает достаточно заменить предмет, которого они добиваются, чем-то сходным".

"Заменить предмет, которого они добиваются, чем-то сходным" - именно над этими словами я и размышлял все то утро: оказывается, я все правильно запомнил. Вернуть туземцу руку невозможно, а вот заменить другой - это стоит попытаться! Я поехал в Шадуэлл {Железнодорожная станция в районе лондонских доков (прим. пер.)}, досадуя, что поезд тащится так медленно, к моему старому другу Джеку Хьюэтту, который работал старшим хирургом в больнице для моряков. Не посвящая его в суть дела, объяснил, что мне нужно.

- Коричневую руку индуса! - с изумлением повторил он. - Да зачем она вам, ради всего святого?

- Потом расскажу. Я знаю, у вас в больнице полно индусов.

- Да уж хватает. Но ведь вам рука нужна... - Он задумался, потом взял колокольчик и позвонил.

- Скажите, Трейверс, - обратился он к студенту-медику, который практиковался в его отделении, - что сделали с руками матроса-индийца,

которые мы вчера ампутировали? Я о том бедняге из Ост-Индских доков, которого затащило в паровую лебедку.

- Его руки в секционной, сэр.

- Положите одну из них в банку с формалином и передайте доктору Хардэйкру.

Незадолго до обеда я возвратился в Роденхерст со странным предметом, который мне все же удалось раздобыть в Лондоне. Сэру Доминику я решил пока ничего не рассказывать, однако на ночь расположился в его лаборатории, где и поставил банку с рукой матроса-индийца на полку с того края, который был возле моей кушетки.

Конечно, мне было не до сна, настолько я был заинтригован исходом опыта, который задумал поставить. Я сел, прикрутил фитиль лампы и стал терпеливо ждать ночного гостя. На сей раз я ясно увидел его сразу же, как только он появился. А появился он возле двери: сначала возник в виде туманного облака, но туман быстро сгустился и обрел четкие очертания - человек как человек, ничем не отличается от любого другого. Туфли, мелькающие из-под подола серого балахона, были красные и без пяток: а, вот, значит, откуда этот тихий шаркающий звук при ходьбе. Как и в прошлую ночь, он медленно прошел мимо банок на полке и остановился возле последней, в которой была рука. Он шагнул к ней, задрожав от радости всем телом, снял ее и впился в руку глазами, потом лицо его искажилось от горя и ярости, и он хватил банку об пол. Звону и грохоту было на весь дом, но, когда я поднял голову, однорукий индеец уже исчез. Через минуту распахнулась дверь, в комнату вбежал сэр Доминик.

- Вы живы, не ранены? - вскричал он.

Жив и не ранен... но ужасно огорчен. Он в изумлении уставился на осколки стекла и на коричневую руку, которая лежала на полу.

- Более милосердный! - воскликнул он. - Что это?

Я посвятил его в свой замысел, из которого, увы, ничего не вышло. Он внимательно выслушал меня, потом покачал головой.

- Мысль была превосходная, - сказал он, - но боюсь, избавить меня от страданий не так-то просто. Однако теперь вы ни под каким предлогом не

будете ночевать здесь, я этого ни за что не допущу. Когда я услышал грохот, я так испугался за вас: такого ужаса я в жизни не испытывал. И не хочу еще раз испытать.

Однако он позволил мне остаться в лаборатории до утра, безмерно расстроенный, что из моей затеи ничего не вышло, я стал думать, как же помочь беде. Стало светать, на полу вырисовывалась валяющаяся рука матроса, она вновь напомнила мне, какое фиаско я потерпел. Я лежал и глядел на нее, и вдруг меня словно молнией озарило, я вскочил с кушетки, весь дрожа от возбуждения. Поднял зловещие останки. Да, так оно и есть. Это же левая рука матроса-индийца!

Первым же поездом я поехал в Лондон, в больницу для моряков. Я помнил, что индусу ампутировали обе руки, и холодел от страха, что драгоценную правую кисть, которая мне так нужна, уже сожгли в печи. Однако мои мучительные сомнения скоро развеялись. Кисть все еще была в секционной. И к вечеру я вернулся в Роденхерст, добившись того, что мне нужно, и привезя все необходимое для следующего эксперимента.

Но когда я заикнулся о лаборатории, сэр Доминик Холден и слушать меня не захотел. Как я ни умолял его, он оставался непреклонен. Он и так возмутительно нарушил традиции гостеприимства, больше он такого никогда себе не позволит. Поэтому я поставил, как и вчера вечером, банку с правой рукой на полку и отправился ночевать в уютную спальню в другом крыле дома, подальше от места, где разыгрались ночные приключения.

Но мне не суждено было мирно проспать до утра. Среди ночи в спальню ворвался с лампой в руке мой дядюшка. Огромный, худой как скелет, в развевающемся халате, он наверняка испугал бы человека со слабыми нервами больше, чем вчерашний индус. Но меня поразило не столько его появление, сколько выражение его лица. Он вдруг помолодела лет на двадцать, а то и больше. Глаза сияют, лицо счастливое, сам победно машет в воздухе рукой. Я оторопело сел и, не совсем проснувшись, уставился на своего неожиданного гостя. Но при первых же его словах сон улетучился без следа.

- Удача! Неслыханная, невероятная удача! - закричал он. - Дорогой доктор Хардэйкр, как мне благодарить вас??

- Вы что же, хотите сказать - наш план удался?

- Именно, именно! Я разбудил вас, потому что был уверен - вы не рассердитесь и будете рады столь счастливой вести.

- Рассержусь? Наоборот! Но вы уверены, что все и вправду получилось?

- Без всяких сомнений. Я в неоплатном долгу перед вами, дорогой племянник, никто не сделал для меня больше, чем вы, я и не представлял, что такое благодеяние возможно. Как я смогу достойно отблагодарить вас? Это Судьба послала вас ко мне, чтобы спасти меня. Вы сохранили мне рассудок и жизнь: еще полгода такого ужаса - и я попал бы в сумасшедший дом или лег в могилу. А жена - ведь она таяла у меня на глазах. Я не верил, что в человеческих силах освободить нас из этого ада. - Он схватил меня за руку и стиснул своими иссохшими руками.

- Я просто поставил опыт почти без надежды на успех и теперь безмерно счастлив, что он удался. Однако почему вы решили, что он больше не появится? Он подал вам какой-то знак?

Дядя сел в ногах моей кровати.

- Да, подал, - ответил он. - И этот знак убедил меня, что больше он меня тревожить не будет. Сейчас я вам все расскажу. Вы знаете, что индус всегда приходит ко мне в один и тот же час. Вот и сегодня он явился, как обычно, но разбудил еще более грубым толчком. Могу объяснить это лишь одним: разочарование, которое он пережил прошлой ночью, разожгло его гнев против меня. Он злобно поглядел мне в глаза и пошел по обыкновению в лабораторию. Но через несколько минут вернулся ко мне в спальню - в первый раз за все годы, что он меня преследует. Он улыбался. В темноте спальни я видел, как блестят его зубы. Он встал лицом ко мне в изножье кровати и три раза низко по-восточному поклонился - это они там так прощаются, когда желают выказать почтение. Отдав третий поклон, он высоко поднял руки над головой, и я увидел, что у него две кисти. После чего исчез - я уверен навсегда.

Вот эта-то странная история и вызвала любовь ко мне и благодарность у моего знаменитого дядюшки, прославленного хирурга из Индии. Он оказался прав: беспокойный горец перестал тревожить его и никогда больше не приходил

за своей ампутированной конечностью. Сэр Доминик и леди Холден прожили счастливую, безоблачную старость, ничто, насколько мне известно, не нарушало их покоя, и умерли во время повальной эпидемии гриппа, чуть ли не в одну неделю. При жизни он всегда советовался со мной во всем, что касалось английских обычаев, с которыми он был не слишком хорошо знаком; я оказывал ему также помощь, когда он приобретал новые земли и вводил усовершенствования в своем имении. Поэтому я не очень удивился, что он назначил наследником меня, минуя пятерых кузенов, пришедших в ярость, и я в один день превратился из провинциального врача, который трудится ради куска хлеба, в главу одного из лучших семейств Уилтшира. Во всяком случае, у меня есть все основания чтить память человека, который искал свою коричневую руку, и благословлять тот день, когда мне удалось избавить Роденхерст от его нежеланных визитов.